

РОССИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ М. А. ОСОРГИНА «ВРЕМЕНА»

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 июля 2022 г.

Аннотация: в статье анализируются воспоминания писателя и публициста М. А. Осоргина «Времена», посвященные жизни в России рубежа XIX–XX вв. Особое внимание уделяется отношению мемуариста к революционным событиям 1917 г. Подчеркивается, что Осоргину удалось создать портрет эпохи со всеми ее потрясениями и противоречиями.

Ключевые слова: М. А. Осоргин, первая волна российской эмиграции, публицистика, мемуары.

Abstract: the article analyzes the memoirs narrative “Vremena” (“The Times”) by the writer and publicist M. A. Osorgin, dedicated to Russian life at the turn of the XIX–XX-th centuries. Special attention is paid to the memoirist’s attitude to the revolutionary events of 1917. It is emphasized that M. Osorgin managed to create a portrait of the age with all its shocks and contradictions.

Keywords: M. A. Osorgin, the first wave of Russian emigration, journalism, memoirs.

Воспоминания «Времена» — последняя книга в творческой биографии писателя, публициста Михаила Андреевича Осоргина (настоящая фамилия — Ильин, 1878–1942), высланного из России в 1922 г. на «философском пароходе». В дореволюционный период он был известен прежде всего своей журналистской деятельностью. Как прозаик он заявил о себе именно в эмиграции. Мировую известность ему принес роман «Сивцев Вражек» (1928), опубликованный во Франции и сразу же после выхода переведенный на основные европейские языки. Наряду с созданием романов, повестей и рассказов Осоргин активно занимался публицистической работой. Он сотрудничал в авторитетных изданиях русского зарубежья — газетах «Последние новости», «Дни», журнале «Современные записки».

Осоргин начал работу над автобиографическим повествованием в 1938 г., первые две части («Детство», «Юность») были опубликованы перед Второй мировой войной. Полный вариант воспоминаний был подготовлен и издан супругой писателя Татьяной Алексеевной уже после смерти автора, в 1955 г.

«Времена» посвящены жизни М. А. Осоргина в России, в них не представлен эмигрантский период. И это сознательная установка мемуариста, который «вне России никогда не ощущал себя “дома”, как бы ни свыкался со страной, с народом, с языком» [1, 151–152]. Более того, Осоргин никогда не считал себя эмигрантом и сохранял советское гражданство до 1937 г.

В центре внимания автора — современные ему события — и рядовые, и судьбоносные для России, а также факты личной биографии мемуариста, вплетенные в историю страны. При этом Осоргин считает

необходимым предупредить читателя: «В моей памяти нет никакой последовательности событий, их хроника ей чужда» [1, 114].

Светлые картинки описания детства автора в глухой провинции, среди бесконечного пространства уральского леса, воссоздают жизнь в Пермском крае конца XIX в. Заметно особое авторское восприятие природы, в которой, по его мнению, растворена целительная духовная основа бытия: «<...> я не могу представить себе большую речку иначе, как живым существом не нашего, чудесного измерения, пожалуй — как божеством. <...> И вот Кама для меня как бы мать моего мира, и уж от нее все пошло, и реки меньшие, и почва, на которой я стою» [1, 29]. В единстве с природой автор видел непреложный закон развития жизни, в познании этого закона — гармоничное сосуществование мира и человека, источник духовного обновления человечества.

В воспоминаниях Осоргина свободолюбие предстает как главная ценность семьи, которую он воспринял с самого раннего детства. Семья, в которой царили любовь, гармония и взаимное уважение, воспитала в нем убеждение, что «свобода в триллион раз ценнее жизни» [1, 20]. Он подчеркивал: «Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции», что во всех скитаниях сумел остаться «простым, средним, провинциальным русским человеком, не извращенным ни сословным, ни расовым сознанием; сыном земли и братом любого двуногого» [1, 14].

По прошествии многих лет, уже находясь в эмиграции, он высоко оценивал провинциальную интеллигенцию, земских деятелей: «Они делали огромное дело, стесняясь его малости <...>; они не подозревали, что подобное бескорыстие, преданность такую и такую веру ни в каких Европах не встретишь, раз-

ве как исключение, что ни один народный учитель не будет там работать в подобных условиях, ни один врач не станет объезжать на худой крестьянской лошаденке стоверстные округи, что они — подвижники и подлинные герои» [1, 107–108].

Отдельная страница воспоминаний Осоргина — студенческая юность, учеба на юридическом факультете Московского университета, чтение книг взахлеб. Мемуаристу удалось передать атмосферу московской жизни конца XIX — начала XX вв., ее ритмы. Начало его адвокатской практики (дела строительных рабочих — владимирских мужиков, обиженных подрядчиком; фабричных рабочих, искалеченных текстильной машиной, обижаемых сирот) сформировали его критическое отношение к самодержавию, что в конечном итоге привело его в партию эсеров. В террористических акциях он участия не принимал, но в декабре 1905 г. был арестован и полгода просидел в Таганской тюрьме, после чего был вынужден эмигрировать в Италию. Находясь за границей, он активно участвовал в российской жизни, занимался журналистской работой: с 1908 г. он постоянный автор, а вскоре и корреспондент «Русских ведомостей» в Италии. За 10 лет появилось более 400 материалов Осоргина: репортажей, статей, очерков о самых разных сторонах жизни Италии.

Вернувшись на родину, он снова оказался втянут в воронку политических событий: «отрывочные картины, переплет революций Февральской и Октябрьской, суматоха дней и месяцев крушения векового здания» [1, 114]. Осоргину удалось уловить и передать в своих воспоминаниях ускорение темпов социальной жизни в начале XX в. Он показывает, что и сам с удовольствием находился в центре происходящего: «<...> увлечение новой большой газетой, встречи с нахлынувшими из-за границы эмигрантами, быстро занявшими ответственные посты. Свободные общественные союзы, союзы союзов, избранный клуб писателей, полеты идей, свитки планов» [1, 115]. Но при этом он фиксирует «уже рождающееся сознание, что все это должно разлететься прахом, что толпе нужны ловкие поводьеры и реальные блага, а не наша интеллигентская культурная суэта» [1, 115]. Осоргин с сожалением замечает: «Сколько слов, сколько прекрасных слов, какое безбрежное море лучших слов русской речи, какая бездонная пропасть делового бессилия!» [1, 115].

Постепенно в воспоминаниях нарастает тревога, так как словом «революция», которое для Осоргина «было не только священным, но и исполненным определенного содержания, синонимом политической свободы, стали прикрывать наихудший деспотизм и величайшее насилие над личностью человека» [1, 142]. «Бури выродились в привычный полицейский быт» [1, 149], — с горечью замечает он, наблюдая происходящее в стране в послереволюционные месяцы. Он приходит к выводу, что «из великих революционных

принципов, посеянных по русской земле, заглушены были скоро всходы свободы, но хорошо уродилось равенство — в благосостоянии и рабстве» [1, 126]. И поясняет, что такое равенство по-большевистски: «Из богатых квартир, не очищенных прямыми мерами, потекло на базары и в хитрую деревню накопленное и сбереженное, стала торговкой бывшая барышня, теперь гражданка, деньги утратили ценность, отпали титулы, попрыталась голубая кровь, и кто мог, называл себя детищем прохожего солдата и покрытки, потомком крепостных дедов. Всех равно одолели голод, холод, вошь, заползшая за воротник, крыса, хотевшая быть сотрапезницей» [1, 126].

Следует отметить, что к размышлениям о революции, ее роли в жизни страны и народа Осоргин в своих воспоминаниях обращается часто: «Я знаю, что нелепо дробить ее [революцию. — С. Г.] на части, одну признавая, другую отрицая или подвергая сомнению: революция последовательна и едина, и Февраль немислим без Октября» [1, 113]. Осоргин уверен, что «был неизбежен полный социальный переворот, и совершиться он мог только в жестоких и кровавых формах. Я это знаю, и я принимаю это фатально, как принимают судьбу» [1, 113–114]. Однако он считает, что «чувство не могло никогда оправдать возврата к организованному насилию, к полному отказу от того, что смягчало в наших глазах жестокость переворота, — отказу от установления гражданской свободы, осуществления основ наших мечтаний» [1, 114]. Он приходит к выводу, что «менять рабство на рабство — этому не стоило отдавать свою жизнь. И неизбежность не может служить нравственным оправданием» [1, 114]. Осоргин еще раз подчеркивает: «Для меня революция — вечный протест, вечная борьба с насилием над личностью <...>» [1, 114].

Особенно его волнует наступление новой власти на свободу печати, которую он готов отстаивать с риском для жизни: «В осенний день в подвальном помещении маленькой типографии, при потушенных во всем здании огнях, с кучкой рабочих-добровольцев я выпускаю последнюю однодневку “За свободу печати”; вся московская литературная знать дала статьи за полной подписью — последнее, что мы можем сделать. В свободнейшей из стран приходится работать подпольно, однако забрала еще открыты. Но новые тюрьмы уже строятся, старых не хватает» [1, 119].

Но при этом он не отрицает необходимость революционных изменений в жизни страны: «Перенеся и испытав все тяготы и ужасы жизни — нищету, голод, террор, мы видели и иное, придававшее жизни глубокий смысл: спайку душ, самоотвержение, взаимопомощь, поравнение в жизненной борьбе, пробуждение ранее спавших сознаний. Страдая от новой власти, мы и в мыслях не имели проклинать революцию, и возврат к прежнему, если бы он был возможен, сочли бы величайшим несчастьем для России»

[1, 119]. Он не раз подчеркивал в воспоминаниях: «От революции пострадал, революции не проклинали и о ней не жалели; мало было людей, которые мечтали бы о возврате прежнего» [1, 128].

Осоргин обращает внимание на «<...> новых людей, усиливающих поставить на ноги раненого колосса», на «<...> народ, пробудившейся к сознательной жизни, огромные возможности этой жизни, только бы не убил до конца этих возможностей возврат политического деспотизма. Нам казалось, что вопреки всему революции явилась для России благом, что в длительном процессе борьбы это скажется. И во имя борьбы за это мы хотели жить в России» [1, 120].

Осоргин не просто жил в России, не помышлял об эмиграции; но и активно работал на благо родины. В 1918 г. вместе Б. К. Зайцевым, В. Ф. Ходасевичем, Н. Н. Минаевым организовал Книжную лавку писателей. Она просуществовала до 1922 г. и стала своеобразным приютом интеллигенции в годы послевоенной разрухи. Осоргин называет московскую Книжную лавку писателей личной крепостью. «Она заполняла нашу жизнь, — пишет он. — Она стала центром московской интеллектуальной жизни. <...> мы священнодействовали, спасая книгу от гибели и разрушения <...>. Какая радость спасти увесистый том Четий-Миней от покушения на прочную кожу его переплета для обшивки валенок или заплаты на башмаки» [1, 121].

Осоргин был одним из главных организаторов Союза писателей (Московского отделения), в котором стал товарищем председателя, и Всероссийского союза журналистов, где исполнял обязанности председателя. При этом у него «было прочно сознание, что при всех испытаниях, во всех условиях, вопреки разрушительной деятельности власти, нужно спасать Россию и то, что осталось от революции» [1, 120].

Но деятельность Осоргина и его единомышленников по спасению русской культуры проходила на фоне преследования инкомыслящих. Вот как Осоргин передает мироощущение человека, живущего в России 1920-х гг. и ощущающего полную незащищенность перед властью: «Поблизости шум мотора: прошумит ли он мимо или замрет у нашего подъезда? Шаги по лестнице, отдаленный стук в дверь, новый ближе. Может быть — облава, повальный ночной обход квартир, может быть, отдельные, намеренные визиты. Уже прогремело имя улицы Лубянки, уже работает неустанно Варсонофьевский гараж, облюбованный для расстрелов. Нужды нет, что вы не чувствуете за собой никакой вины, кроме несогласия мыслить по чужой указке, — новая власть косит направо и налево, не слишком разбираясь» [1, 122].

Особое место во «Временах» занимают воспоминания Осоргина о голоде 1921–1922 гг. в России, в них содержатся свидетельства не просто очевидца, а непосредственного участника событий, так как писатель работал в общественном Всероссийском ко-

митете помощи голодающим при ВЦИК (Помгол). Он показывает, что «настоящий голод был в приволжских губерниях, пораженных неурожаем, и описать его нельзя, хотя и пытались многие. Там начисто вымирала деревни и села, и дороги между ними зарастали травой» [1, 130]. Активная деятельность Осоргина в Помголе стала причиной его ареста (он был освобожден благодаря вмешательству верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена), а затем и высылки за границу в 1922 г.

«Я мечтал жить и работать в России, рвался в нее из эмиграции, верил в революцию, оправдывал в ней слишком многое. И вот я — “враг народа”, контрреволюционер» [1, 138], — недоумевает мемуарист. Высланный из страны, познавший горечь эмигрантской жизни, Осоргин не стремится очернить свою родину. Наоборот, в воспоминаниях он признается в любви к ней: «<...> я не боюсь порою хвастать и восхищаться Россией-землей. <...> Ее хотят представить себе целиком, — а цельной России нет и никогда не было, она состоит из нагромождения земель, климатов, гор, равнин, народов, языков и культур. <...> Я очень люблю Россию, — ту, которую знаю, и это естественно для ее законнейшего сына» [1, 106].

Но при этом он отмечает негативные черты русского национального характера: «<...> не уважаю за ее [России. — С. Г.] ленивую волю: она позволяет кататься на своей вые каждому любителю верховой езды. Иногда, встав на дыбы, она опрокидывает всадника — и сейчас же позволяет взнуздать себя другому» [1, 106]. По мнению мемуариста, медведь — лучший образ России: «Сила необычайная и легкая приручаемость: кольцо в ноздри — и танцуй под любую музыку» [1, 106].

Писатель отмечает во «Временах», что после революции «Россия <...>, привыкнув к царям, ищет новое имя — и шепотком называется имя Ленина» [1, 116]. Осоргин показывает, что русские люди отличаются доверчивостью, веками длившаяся порабощенность их самодержавием привела к тому, что они стали полностью зависимы от угнетающей их власти, сформировала психологию народа, неспособного функционировать без «сильной руки».

При этом он верит в Россию, в ее жизнестойкость. Заслуживает внимания сравнение судьбы России с живучим растением, которое, даже срубленное под корень, пускает новые побеги: «Она росла быстро и подземно, как толстый и прямой побег спаржи, одним стволем; потом она сломилась и от корней дала букет корявых, но сильных кривуль <...>» [1, 109]. Это замечание, с одной стороны, еще раз подтверждает, что природа занимает в мировоззрении писателя очень важное место. С другой — демонстрирует веру Осоргина в родину, в ее будущее. Крона такого растения-России, сломленного войнами и революциями, может принимать разные формы, но суть, корни, остаются неизменными.

Приверженность России, любовь к ней определили позицию Осоргина по отношению к Великой Отечественной войне. В сложный период, когда русская эмиграция делала свой нравственный выбор — поддержать родину, подвергнувшись нападению нацистской Германии, или Гитлера, видя в нем силу, способную противостоять большевизму, — он был всецело на стороне России. Поскольку был уверен: «Не власть защищает русский солдат и русский народ, а свою землю, свое право быть ее хозяином, и никакой исход событий не умалит силы и значения тяжкого русского подвижничества» [1, 120].

Подобные мысли Осоргин развивал в публицистическом цикле «Письма о незначительном», который создавался в 1940–1942 гг. В нем он подчеркивал, что «<...> русские эмигранты, оставаясь враждебными советскому правительству, не лишены права быть патриотами и желать победы своему народу» [2, 398].

Следует отметить, что Осоргин отчетливо разделяет свое собственное видение происходящего в России, представленное в воспоминаниях, и бесстрастные умозаключения историков: «Первое пятилетие революции, свидетелем которого я был, полагается делить на периоды — на эпоху Временного правительства, октябрьский переворот, военный коммунизм, новую экономическую политику и что-то еще. Историки объясняют, как все это происходило, чьим радением, чьей мудростью <...>» [1, 123]. Осоргин обращается к читателям своих мемуаров: «<...> не верьте на слово историкам, не верьте слишком и их документам, потому что они приведут в стройность то, что не было и не могло быть стройным, они в хаосе откроют гармонию причин и следствий, они преподнесут облизанную конфетку — и проглядят человека» [1, 123].

Завершая «Времена», Осоргин свидетельствует о том, что мир русской природы, который для него и есть Родина, был и остался на всю жизнь главным «символом веры»: «Став писателем, я не написал ни одной книги, где бы символ моей веры не был высказан языком лучшего и единственного учителя моей юности — русской природы, — в тех пределах,

в каких мне этот язык доступен. И эти строки случайных и беглых воспоминаний — только поклон той же далекой стороне: небу, воде, лесам, красной гвоздике и душистому майнику; людям, там жившим и живущим; духу вольности, который вернется, как все приходит, уходит и снова возвращается на этой земле. Теням предков и неслышному зову друзей» [1, 48].

Как и многие мемуаристы, Осоргин в книге воспоминаний подводил жизненные итоги: «Пишется долго, больше ночами, когда оживают тени прошлого, которые боятся дневного шума. Пишется со всей силой правды последней, нужной для душевного покоя — при прощаньи с жизнью» [1, 87].

«Времена» справедливо называют итогом творчества писателя, одной из вершин отечественной мемуаристики XX в. [3, 35; 4, 23; 5, 86], в которой представлен субъективный взгляд М. А. Осоргина на многие знаковые события в истории России рубежа XIX–XX вв. Ему удалось создать портрет эпохи со всеми ее потрясениями и противоречиями. Одна из главных особенностей воспоминаний Осоргина — талантливо переданное автором ощущение неотделенности его собственной судьбы от судьбы России, слиянность и спаянность с ее прошлым, настоящим и будущим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осоргин М. А. Времена / М. А. Осоргин // Времена: Автобиографическое повествование. Романы / Сост. Н. М. Пирумова; Авт. вступ. статьи А. Л. Афанасьев. — М., 1989. — С. 12–153.
2. Осоргин М. В тихом местечке Франции. Письма о незначительном / М. Осоргин. — М., 2005.
3. Авдеева О. Ю. «Ласточки непременно прилетят...» / О. Ю. Авдеева // Осоргин М. А. Сивцев Вражек: Роман. Повесть. Рассказы. М., 1990. — С. 5–36.
4. Ласунский О. В споре с эпохой / О. Ласунский // Осоргин М. А. Воспоминания. Повесть о сестре. — Воронеж, 1992. — С. 5–24.
5. Марченко Т. В. Творчество М. А. Осоргина, 1922–1942: из истории литературы русского зарубежья: дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Марченко. — М., 1994.

Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и литературы
E-mail: svetglad@mail.ru

Voronezh State University
Gladysheva S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism and Literature Department
E-mail: svetglad@mail.ru